

18+

Ольга Шлыкова

РОЗОЧКА 33

семейные хроники

Ольга Шлыкова
Розочка, 33. Семейные хроники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67689297

ISBN 9785005651389

Аннотация

«Розочка. 33» – это сборник рассказов и воспоминаний о семье Барановых в Томске. Судьбы детей, внуков и правнуков основателей рода Владимира Гурьяновича и его жены Катерины

Содержание

Поколение прапрадедушек и прапрабабушек и прабабушек и прадедушек	5
Поколение бабушек и дедушек	9
Поколение родителей	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Розочка, 33

Семейные хроники

Ольга Шлыкова

© Ольга Шлыкова, 2022

ISBN 978-5-0056-5138-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поколение прапрадедушек и прапрабабушек и прабабушек и прадедушек

История нашей семьи в Томске – Северске, началась ещё в 19 веке, когда в губернию пожаловал мой прапрадед Владимир Гурьянович Баранов, (фотографии не сохранилось), с женой своей Марией Алексеевной. Издалека приехали – из Владимирской губернии. В каком году неизвестно, да никто и не помнил. Были у них тогда уже дети или нет неизвестно. Но в Томске они нарожали целый род – сыновей Михаила, Леонида, Константина, Ивана, Николая. Дочерей – Александру, Анну, Екатерину. И все они носили гордую фамилию – Барановы. Конечно эти те восемь детей, которые дожили до взрослого возраста. Наверняка были ещё дети, но они умирали во младенчестве, и я даже припоминаю, что о них говорила бабушка. Но сколько их было, теперь уже никто не расскажет. Как и о том, кто был старший в семье, кто младший. Точно известно, что самой старшей была Анна.

Прапрадед всю свою жизнь занимался извозом – держал «парк» телег, для перевозки различных грузов, а под конец «карьеры» занялся пассажирскими перевозками – стал извозчиком. Дети его, не пошли по его стопам, все выучились и работали в «чистых» профессиях – Анна бухгалтер; Алек-

сандра – бухгалтер; Екатерина бухгалтер; Михаил бухгалтер; Леонид в молодости жокей, в возрасте заводчик, всю жизнь работал на ипподроме; Иван бухгалтер; Николай (мой прадед) бухгалтер, дослужился до главного бухгалтера Сибирской железной дороги, управление которой находилось в нынешнем здании ТУСУРа. Но больше всех семья гордилась Константином, который был действительным статским советником, и несколько лет был градоначальником Тюмени. Я думаю, что дела у прапрадеда шли хорошо, раз он сумел дать образование всем своим детям.

Продолжили род Барановых только Николай и Иван, у Николая было три дочери и три сына. У Ивана сын Пётр. Судьбу сына Ивана Петра я не знаю.

Анна была замужем (по мужу Чукаева, имя мужа неизвестно), но детей у неё не было. Бездетными браки были у Екатерины (имя мужа неизвестно) и Михаила. Александра, Леонид, Константин в брак не вступали. Вот такие вот наши прадедушки и прабабушки.

В своё время Николай женился на Прасковье Фёдоровне Мезоновой. Её мать Феоктиста Ивановна Левинская, родом была из семьи ссыльных из Варшавы, там и родилась. Польское восстание 1830—1831 годов навсегда изменило жизнь родителей Феоктисты, их сослали на Алтай. Очень редко проскальзывали фразы – дед был военным, и принимал непосредственное участие в мятеже. Но теперь, ни подтвердить, ни опровергнуть эту информацию некому. Я да-

же не знаю имени прапрабабки Левинской, прапрадеда звали Иван. Не знаю и отчества мужа Феокисты Ивановны Фёдора по фамилии Мезонов. Знаю только, что у прабабушки была сестра, кажется старшая, и звали её Мария Фёдоровна. Дома её называли попросту – тётя Маня. Замужем тётя Маня была за богатым поляком Вронским. Он держал несколько пароходов на Оби, и имел дома в Омске и Томске. Точно знаю, что у неё был сын Константин, который унаследовал всё отцово предприятие незадолго до революции. Но о нём позже.

Я уже писала, что у Николая Владимировича и Прасковьи Фёдоровны было шестеро детей. Дочери – Агния, Мария, Таисия, и сыновья Валериан, Адриан, Георгий. Моя бабушка Агния была старшая, за ней кажется Валериан, Таисия был самой младшей. Кто за кем родился Мария, Адриан, Георгий – я не знаю. Судьбы сыновей прадеда и прабабки незавидны. Все они погибли в годы революции и гражданской войны. Моя бабушка (Агния) часто их вспоминала и горько плакала, потому, что погибли они совсем молодыми. После того, как ушёл из жизни прадед Николай Владимирович, прабабка Прасковья Фёдоровна ещё раз вышла замуж за ссыльного из Москвы Бурыхина Ивана Гавриловича. Но брак не был венчанным, потому что у Ивана Гавриловича в Москве была жена. Поэтому сын, рождённый Пелагей Фёдоровной, как бы сейчас сказали в гражданском браке с Бурыхиным, носил её фамилию – Баранов, звали его Иннокен-

тий.

Дети были только у Агнии, Таисии и Иннокентия. Агнии – Татьяна (умерла шести месяцев от роду от пневмонии), Юрий 1923 года рождения и Борис (мой отец) 1927 года. У Таисии две дочери – Лариса 1936 года рождения, и Людмила 1947 года. У Иннокентия была дочь в Алма-Ате. Имя неизвестно, как и год рождения. Мария была бездетна.

Когда я прохожу мимо памятника Кирову на проспекте Ленина в Томске, (я его называю мужик с пальцем), мне всегда грустно. Ведь «благодаря» ему мой прадед Николай помешался, и у него началась мания преследования. В конце концов, он застрелился. Я описала это в рассказе «Пиковый туз». Жизнь семьи, конечно, пошла под откос. Руководство железной дороги до самой революции поддерживало овдовевшую Прасковью Фёдоровну, а в революцию, их высели из большой квартиры в каменном доме на улице Нечаева (теперь проспект Фрунзе), и они несколько лет жили у снохи, жены брата прадеда Ивана Анфисы, тоже уже овдовевшей. Это было подвальное помещение, кажется на Ленина, тогда он был Миллионной.

Поколение бабушек и дедушек

Агния. Это самый дорогой мне и близкий человек. Благодаря её рассказам я хоть что-то знаю о своих предках. Хотя далеко не всё помню и как теперь понимаю, не всё рассказывалось. Родным городом всех Барановых был Томск, и вся жизнь крутилась вокруг него, в последние годы, вплоть до 70-х XX века это была квартира по адресу Розы Люксембург 33. Поэтому я и назвала семейные хроники «Розочка 33». Бабушка Агния мне много рассказывала о своём детстве. Как она ходила в школу с портфельчиком, который сшил ей отец из своего старого портфеля. Что в школьном коридоре стоял большой самовар, который кипятил дворник. И все ученики собирались у этого самовара, чтобы съесть свои завтраки, которые они приносили с собой в жестяных коробочках, и запить чаем из кружек, которые тоже приносили с собой. Наверное, от бабушки мне досталась любовь к чаю. Бабушка любила пить чай, особенно кирпичный (помните такой), потому что такой чай заваривали в её школе. Для неё это был вкус детства. А ещё у неё была любимая собака Динка. Младшие Мария, Таисия и Иннокентий Динку уже не застали, для них она тоже была легендой, товарищем детских игр старших – Агнии и братьев.

Агния рано пошла работать, чтобы помочь своей матери поднять младших детей. Ведь старшие братья погибли. Ра-

ботала в Драматическом театре во вспомогательном составе, но и те копейки, что она получала, были подспорьем для семьи. В 1919 году Агния познакомилась со своим будущим мужем, военным Шлыковым Фёдором Николаевичем, который пришёл в Томск вместе с красной армией. О нём я напишу отдельно, потому что его биография сама по себе интересна, и нетипична для тех лет. Хотя, как сказать. У деда Шлыкова было много сослуживцев с похожей судьбой. Он сам мне рассказывал.

В 1920 году бабушка и дедушка поженились. Вскоре родилась дочь Танечка, которая прожила всего 6 месяцев. И как говорила бабушка, осталась в Казахстане на Китайской границе. Бабушка всю жизнь тосковала по своей дочке. И будучи старой (за 70) всё время говорила – будь у меня доченька я бы так не жила. А я понимаю, что останься тётя Таня жить, вряд ли бы родился мой отец и соответственно мы с сёстрами. В 1923 родился мой дядя Юра, а в 1927 мой отец Борис. Рожая отца, бабушка пережила невероятное приключение – её не успели довести к фельдшеру в поселок, и отец родился посреди реки Уссури. Судьба такая, родился на воде, на воде и погиб.

Всю свою жизнь бабушка ездила за дедом по границе, и лишь в войну, в 1943 году, деда перевели в военный городок Асино Томской области, и они часто бывали в Томске. Я писала рассказы, записывая семейные легенды, и там вы прочтёте, о самых ярких событиях из жизни моих бабушки

и дедушки, а так же их сыновей Юрия и Бориса.

Потом был Чекист, где дед с 1945 до самой пенсии в 1954 был командиром одного из лагпунктов.

Я же помню бабушку как самого дорого мне человека. Деда я тоже любила, но бабушка осталась для меня самой большой любовью в этой жизни. Она сама того не зная показала мне пример как надо жить, любить и воспитывать детей. Пусть иногда с ремнём в руках, она только держала его, и никогда не пускала в дело, но она не давала мне с детства скатываться в недостойные поступки. Она научила меня любить животных. Мы с ней кормили птиц и разглядывали бабочек, пока она видела. После гибели моего отца, у бабушки развился диабет, и как осложнение катаракта обоих глаз. Тогда операций не делали. Умерла бабушка 4 января 1974 года. И спустя много лет, женщина, которая лежала с ней в одной палате рассказала, как бабушка ушла. Унёс её сердечный приступ. Мне было всего 11 лет, и тогда я бы вряд ли до конца прочувствовала боль потери. Зато став взрослой, очень хорошо понимаю, кем была для меня моя бабушка.

Интересно, то, что скрывали, из страха перед советской властью, казалось бы, невинные факты. Например, что бабушка моей бабушки была чистой полькой. Потому что родители Феокисты Ивановны были ссыльными. Пусть ещё при царе. Однажды, когда в Томск вернулась с Дальнего востока Мария, в доме бабушки на встречу с ней, собрались её какие-то давние знакомые женщины. Они пили чай и раз-

говаривали на польском языке. Когда они ушли я сказала бабушке – научи меня говорить на польском. «Каким польском?» «Ну, так вы же сейчас разговаривали на польском!» «Тебе показалось, мы говорили на русском». В общем, бабушка сделала из меня дуру, и ни за что, и никогда не призналась, что она знает польский язык. Глупость, конечно, я же поняла, что это польский, потому что они иногда разговаривали на нём с бабой Тасей.

Мария. Я даже помню год рождения нашей бабы Мани – 1906. Вся наша семья творческие люди, баба Маня же была единственной профессиональной актрисой, певицей. Самый младший брат Иннокентий был скрипачом и даже играл первую скрипку в Алма – Ате в театре оперы и балета, но баба Маня по мужу Брызгалова, была самой яркой с великолепным голосом. Они всю жизнь проработали на Дальнем востоке. Сначала на Сахалине в ансамбле песни и пляски, потом во Владивостоке в музыкально – драматическом театре. На радио Владивостока сохранились архивные записи, голоса бабы Мани. Арию Одарки из оперы «Запорожец за Дунаем» баба Маня иногда пела дома, а муж ей аккомпанировал и слегка подпевал. Это была её любимая ария. Я несколько раз слушала, как она поёт. Еще помню песню про Одессу из какой-то оперетты. Дядя Коля, баянист с дореволюционным образованием, он мог сыграть на баяне всё, что угодно. На радио Владивостока есть записи, где он исполняет соло классические произведения.

До того, как баба Маня вышла замуж, она жила с матерью на той же Розочке 33. Помогала воспитывать детей старшей сестры, которых частенько оставляли у Пелагеи Фёдоровны. Особенно Юрия. Есть фотография, где баба Маня и дядя Юра, которому было лет шесть, подстригли себе одинаковые чёлки и пошли, сфотографировались. Как говорила бабушка, Борька ещё был маленький и доставлял много хлопот. Но про папу есть семейный анекдот, как баба Маня пошла с ним в магазин и нарядила его как девочку – сделала на выпуск рубашечку, типа платьице и красиво причесала. В магазине посадила его на подоконник и пошла за покупками. Какая-то женщина, увидела Бориса и восхитилась – ах какая хорошенькая девочка. На что ей трёхлетний Борис пробасил – я не девочка, я Боля. Потом появился дядя Коля и увез Марию на Дальний восток.

Всё в жизни моей семьи сходится удивительным образом. Когда в 1945 году отца забрали служить на Тихоокеанский флот, баба Маня уже жила во Владивостоке. И отец, если его судно было во Владивостоке, приходил в увольнительные к родной, любимой тётке.

Выйдя на пенсию, баба Маня с мужем приехали в Томск, вернее Северск. Зарабатывая себе квартиру, они 3 года отработали в пожарной части – создали и пустили в большую жизнь народный хор. До самой перестройки этот коллектив выступал на различных площадках. И пока среди участников были самые первые хористы, которых воспитала баба Маня,

чувствовался стиль и удивительная, профессиональная музыкальность. Умерла баба Маня в 1981 году от рака матки.

Таисия. Появление на свет маленькой Таси, совпало с гибелью её отца. Прабабушка Пелагея была на седьмом месяце беременности, когда прадед Николай застрелился. У прабабушки случился выкидыш, девочка была мёртвая, и прабабушка сказала – слава богу, куда мне теперь шестой ребёнок. А вот туда. В тот день в роддоме дежурили студенты мединститута. Для них было делом чести реанимировать младенца, и девочка закричала. Судьба часто вмешивалась в жизнь моей семьи. Не будь бабы Таси, не было бы моих любимых тётушек – Ларисы и Людмилы, и кузинок Светочки, Аси и Люси, братьев Саши и Яши. Баба Тася по жизни боец. Имея, как говорили про неё сёстры, взрывной характер, она не ужилась ни с одним из двух мужей. А не фиг было, имея красавицу жену, заглядываться на чужие юбки. Я в неё. Зато, какие дочери получились! И что с того, что одна Николаевна, а другая Константиновна. А вообще в роду Барановых были греки. Известны даже фамилии Метаксапуло и Пасталидис. Родственники они очень дальние, это кто-то был ещё во Владимирской губернии со стороны матери прапрадеда Владимира Гурьяновича. Поговаривали, что она то и была гречанкой по фамилии Пасталидис, а Метаксопуло это её родственники. Но я не знаю точно, только слышала об этом в разговорах взрослых. Так или иначе, все Барановы черноволосые и заполошные. В общем, греки. Послед-

ний известный Пасталидис жил в Алма-Ате, и погиб в Великой Отечественной войне очень молодым. Семью завести не успел. Город Алма-Ата не раз оказывался в судьбе нашего рода. Но я отвлеклась.

Баба Тася, как родилась маленькой, так и по жизни была самой маленькой (ростом) в семье. До войны она окончила какие-то курсы, и в войну оказалась на службе в отделе кадров милиции. В 50-х она уже работала в Областном управлении МВД начальником отдела кадров. Интересно, что именно она отправляла моего деда на пенсию. Я подозреваю, что это он, в своё время, её туда и пристроил. Я слышала разговоры, как армейский паёк не раз выручал во время войны всю семью.

На бабу Тасю свалилось самое тяжелое бремя. В ноябре 1941 умерла Пелагея Фёдоровна. Обе старших сестры были далеко – Агния на Китайской границе, Мария на Дальнем востоке. Но в военном училище в Томске учился дядя Юра. Баба Тася добилась, что начальник училища его отпустил на один день похоронить бабушку. Это была судьба конкретная. Потому что в этот день отправлялась на фронт дяди Юрина рота, а он уехал с другой ротой на следующий день. Дяди Юрину роту отправили под Москву, где почти все бойцы погибли. Остались единицы. А ту роту, с которой уехал дядя Юра, отправили в распоряжение МВД. Даже говорили, куда, но я не помню. Эта история записана мной со слов тётушки Ларисы в рассказе «Где же ты бабушка?» Баба Тася

жила в Томске, на той самой Розочке 33, и была стержнем всей семьи. Это был общий семейный дом – гнездо, его считали родным мой отец и дядя, я уж не говорю о дочерях бабы Таси. Орденоносец, баба Тася держала в своих маленьких руках милицейские кадры Томска. И как бы сейчас сказали весь семейный тренд, и даже регулировала его. Я то её помню уже старушкой, и никогда бы не подумала, что баба Тася умеет стрелять. Во время войны со всей милицией баба Тася ходила в ночные рейды по городу. Правда первый рейд она запомнила на всю жизнь. Выстрелив, она не удержалась на ногах и упала, от отдачи пистолета. Зато ей сразу выдали другое оружие – полегче. Как будто сразу нельзя было догадаться, что одно дело стрелять сидя или лёжа, другое дело на ходу. Что не видели, какая баба Тася миниатюрная?

Я считаю бабу Тасю одной из самых выдающихся женщин Томска. А уж нашей семьи и подавно. Умерла она, когда я уже была достаточно взрослая. Мы хоронили её из квартиры на Косарева. Но тётя Лариса, с семьёй которой жила баба Тася всегда говорила – если я вижу себя во сне дома, то только на Розочке 33.

Иннокентий. Самый младший и от другого отца. Талантливый музыкант, первая скрипка, в оперном театре Алма-Аты, сгорел от алкоголя. Он потерялся после войны. Последней его видела баба Маня во Владивостоке. Он какое-то время пожил у неё, потом ушел и больше не вернулся. Никуда. Ни к семье в Алма-Ату, ни в Томск к бабе Тасе. Его

долго искали, но он видимо начал бомжевать и где-то погиб, в 1950-х. Кенка, так его звали дома. Я смотрю на его фотографию и поражаюсь его утончённой красоте. На фотографии подпись – На долгую память дорогой маме и сестре от сына. Помните и не забывайте. 15/1 – 1937 года. Помним. Я знаю, что сестры его очень любили. Значит, люблю и я.

Во времена гражданской войны второй муж прабабки Пётр Бурыхин уехал на родину в Москву и не вернулся. Он был революционером и наверняка погиб в гражданскую. Прасковья Фёдоровна снова осталась одна с детьми. Один за другим погибли старшие сыновья, и прабабка была вынуждена отдать младших детей в детдом, просто чтобы они не умерли от голода. Мария, Таисия, Иннокентий прожили в детдоме около трёх лет. Мария была уже подростком и наравне со взрослыми работала в детдомовском огороде. От того, что она таскала тяжёлые лейки, она остановилась в развитии как женщина и став взрослой не могла забеременеть. Кто бы думал в те годы, что девочек нужно беречь.

Я обещала написать о Константине Вронском, двоюродном брате моёй бабушки и её сестёр. Вы знаете, что он был сыном Марии Фёдоровны – тёти Мани, родной сестры моёй прабабушки Пелагеи Фёдоровны. Когда перед революцией умер отец Константина, Константин вступил в большое наследство. Он вырос на реке, и поэтому ему было совсем не в тягость продолжить дело отца. Но грянула революция и перепутала всю жизнь, и привычный уклад. Власть

сменялась постоянно и за имущество семьи Вронских шла настоящая борьба. Пароходы конфисковывали то белые, то красные, и однажды красные подожгли один из пароходов. По рассказам бабушки, её тетка, к тому времени уже старая, больная женщина дала сыну неопенимый совет. Глядя, что побеждают красные, она сказала Константину: «Сынок, если не хочешь, увидеть, как наши пароходы спалят все до одного, отдай их красным. Белые уже проиграли гражданскую войну, потому что воюют по правилам. А красные дикари, им всё равно, что крушить и поджигать». И Константин выполнил просьбу матери, которая вскоре умерла. Он сумел угнать пароходы, из под носа у белых, и перегнал их в Омск, где уже установилась власть советов. Эти пароходы ещё многое годы ходили по Иртышу и Оби. Красные сочли поступок Константина Вронского подвигом. И когда он умер от тифа, в Омске его именем назвали улицу. К сожалению, во время перестройки в 90-х, эту улицу переименовали. У Константина была жена, но не было детей.

Поколение родителей

Дети Агнии.

Юрий. Мой дядя. Конечно воспоминания всякие разные, но что я в нем любила, так эту привычку рассказывать байки. Как ему приснилось накануне войны, что на небе молниями было написано – «война». Утром он, конечно, не вспомнил ни про сон, ни как мне его рассказывал. Он всю жизнь был похож на бабушку, просто вылитый. А когда умер, в гробу лежал дед. Вот так только на смертном одре иногда выясняется кто чей сын. С дядей Юрой мы дружили. Наверное, мои уши были самыми благодарными. Это я теперь понимаю, что дядя Юра, как настоящий охотник, был «Бароном Мюнхгаузеном». Таких приключений, как у него не было не у кого из знакомых мне людей. Самые яркие моменты, вы прочитаете в моих рассказах. Дядя Юра был творческой личностью. Он писал маслом, фотографировал, пел и играл на гитаре. Даже поработал в нашем театре администратором, пока оформлялись документы для работы в милиции. Он мне признавался, что хотел там остаться работать, но родители настояли уйти в милицию.

От дяди Юры я знаю много подробностей из жизни нашего города. Например, почему, в конце концов, убрали гипсовые фигуры из парка. В других городах ЗАТО они посея день стоят. В нашем городе была непростая криминальная

обстановка, и хулиганы эти гипсовые фигуры просто поразбивали. Столько лагерей для з/к не было нигде. По сей день можно найти кирпичные основы лагерных заборов по всему периметру города. И дядя Юра служа в милиции знал, что иногда з/к оставляли на пмж в нашем городе. А ещё были те, кто сидел на «химии», со свободным доступом в город. Вот оттуда и формировалась криминально-хулиганская среда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.